

С Маяковским по Союзу

В год 90-летия со дня рождения В. Маяковского «Литературная газета» проводит «разговор-путешествие» (выражение поэта) известных советских писателей по городам, где он бывал, читал стихи, устраивал диспуты.

Путешествие, начатое в Грузии (диалог Евгений Евтушенко — Омар Чиладзе, «ЛГ», № 14), сегодня продолжается.

Из беседы перед поездкой в Киев

ГАМЗАТОВ. Я в Киеве был не один раз. Украина мне близка, и там немало друзей-поэтов. И д.м. Павлычко, который переводил мои стихи, и В. Коротич, и дружил с Н. Ушаковым. А в Ленинграде когда-то учился вместе с П. Воронковым. Но больше всего дружу с Шевченко и Лесей Украинкой. В только что вышедшей новой книге

есть стихи «Говори на пленительной мове: ...Эти ты говоришь со мной, Лесь, Или музыка слышится мне? В языке моем сабелный лязг пронизал почти каждое слово, И полна упоительная не твои ль, златоустая, мова? Ты со мною на ней говори, Завораивай снова и снова, Хоть из кандалов лети — Понимаю только три украинских слова. (Перевод Я. КОЗЛОВСКОГО)

ДОЛМАТОВСКИЙ. С украинской меня связывает очень многое. В военные времена я был участником шевченковского пленума правления СП СССР, и путешествие в те дни по республике навсегда сдружило меня с М. Бажаном, С. Головановским, Л. Первомайским, А. Малышко, другими украинскими писателями. А в годы войны я находился на Юго-Западном фронте. В 1941-м мне пришлось в сложных обстоятельствах переправляться через Днепр, тогда же, в 41-м, написана песня «Ой, Днепр, Днепр»...

Сегодня в «разговор-путешествии» участвуют:
Расул ГАМЗАТОВ,
Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ,
Иван ДРАЧ,
Борис ОЛЕЙНИК

Олейник. «Стоило... вавилонские столпотворения», — писал Маяковский о своих первых выступлениях в Киеве. Все его доклады, лекции, чтение стихов проходили, по воспоминаниям современников и отзывам газет, в переполненных залах, вызывая бурный восторг аудитории: «5000 человек на протяжении трех часов очень внимательно слушали Маяковского и отвечали аплодисментами на его крылатую фразу». Вот еще один газетный отзыв: «Все места заняты, в проходах стоят. За проходами стоят, всю эстраду обвели... На эстраде поэт Маяковский. — Издание моей поэмы «Хорошо!», — говорит Маяковский, — как будто приоткрылось к нашему десятилетью. Но я совсем не желаю, чтобы она украшала собой только это десятилетие. Она нужна будет и будет иметь значение и через 20, и через 40 лет. Да, я так думаю. Я в этом уверен...» И он не ошибся.

Драч. Но это мы теперь, спустя десятилетия, говорим с уверенностью — не ошибся, а тогда, в его время, выразилась уверенность иного толка: «...его уверенность о полном содвиге с современностью — неосновательна... значение Маяковского в нашей поэзии — отрицательное: по его стихам можно узнать, как не следует писать стихи. Бедный идеями, обладающий сужением кругозором, ипохондричный, неврастенический, слабый мастер — он вне всяких сомнений стоит ниже своей эпохи, и эпоха отвернется от него». Это из книжки Г. Шенгеля, изданной Всесоюзным союзом поэтов в 1927 году — за три года до смерти Маяковского. Вот в какой, мягко сказать, непростой ситуации он находился, вот в каких условиях ему приходилось работать, доказывая то, что, казавшись бы, не требует доказательств.

Долматовский. Кажется, я остался одним из немногих поэтов, кто встречался с Маяковским, слушал его (увлекшись им, я старался не пропускать ни одного его вечера в Москве) и однажды даже читал ему свои опысы.

Это случилось в доме Мейерхольда. Прочитав три моих сочинения, Маяковский явно рассердился: «Почему пишете о том, что вам абсолютно неизвестно и совершенно чуждо? Где стихи о партах и пионерском галстуке? Ведь вы новые люди, таких еще на земле не было! А что пишете? Сумерки дворянства! Туманные строки были в духе эмигрантов и символистов, я сочинял «под них». Еще один гость дома — Пастернак попытался меня заставить: «Володя, но он еще совсем маленький». Маяковский позвонил, он был непреклонен: «Если он маленький, давайте побеседуем о трехколесных велосипедах, а если уж он взлез на писать стихи, то пусть отвечает за каждое слово». Это принципиальная убежденность, бескомпромиссность не только запомнилась, но и сыграла весьма существенную роль в определении моих взглядов на литературную работу.

Я считаю, что сейчас самое время говорить о тенденции Маяковского, о том главном, что он сделал для поэзии. Прежде всего — служение таланта своему времени, слияние личного и общественного: «Это было в бойцах, или страной, или в сердце было в моем». Талант не существует отдельно, как самоценность, он очень определенно привязан к своей функции, куда, на что он употреблен. Причем — что интересно — всегда находились противники общественной функции поэзии, апологеты «маленького человека» — такая тихая, интимная сторона его существования, как будто бы больших, могучих, синхронных с эпохой взлетов человеческой души не бывает, а есть только сосредоточенность на личном. Я не противопоставляю общественную жизнь и внутренний мир. Я только хочу сказать: главное, чтобы личность была сориентирована на общество, я очень высоко ставлю общественную жилку.

Драч. Маяковский открыл собой в поэзии новый тип художника, который в противовес чистоплюю и ханжам не безразлично занимался всем, что было вызвано потребностями дня: и рекламой, пусть даже сосок, и плакатами, и агитками. Это не означает, разумеется, что мы должны бросить все и сочинять рекламы сосок или новинки века — жевательной резинки... Но то, что у нас отсутствует в такой мере прямота ко всему, какая была у Маяковского, — это мы должны с болью признать, такое общественного темперамента у нас нет. Из своих 20-х годов Маяковский бросает вызов и нам, и молодому. Очень важно возбудить у молодых общественный темперамент, бойцовский характер, чтобы каждый чувствовал: он живой, реагирующий нерв, лицо, ответственное за все в мире.

Гамзатов. Не знаю, собирал ли Маяковский на своих выступлениях столько людей, сколько приходится сейчас на поэтические вечера, — огромные залы, стадионы не пустуют, когда выступают поэты, в том числе молодые. Но количество слушателей — не мерило поэзии. Оладеть техникой поэтического письма дано, наверное, каждому, но не у каждого становится поэзией рассказ о времени (о себе). Маяковский заявлял: «Пусть ропщут поэты, слоноуго плещу, губую презрение вызываю. Я, душу не гублю, кричу о вещах, обязательных при социализме». Он дал название «Лучший стих» стихотворению о газетном факте — «Рабочими и войсками Кантона взят Шанхай!». По произведениям Маяковского можно восстановить, без учебников истории, многие события революционных лет. У Маяковского был не просто факт, не только сообщение, не «последние известия», а яркое и эмоциональное обобщение, стихи. Даже переселение рабочего на новую квартиру становилось у него поэзией. Сейчас в нашей поэзии замечна уход от факта, выводы без доводов, часто философствование на пустом месте или холодная,

стальная конструкция. Поэт не конструктор, даже не инженер человеческих душ. Поэт — певец. Вы скажете: сейчас не столько сердце по сердцу скачет, сколько мысль по мысли скачет. Но одной мысли для поэзии тоже мало, она должна играть, звучать, быть оформлена красками и музыкой, образами, законченной формой — тогда все в цель попадет.

Олейник. Огромное сердце поэта мгновенно отзывалось — огромной радостью на «шаги сажени», огромным негодованием на то, что мешало «размаху шага»: Нашему времени нужен поэт с такой великодушием, мгновенной реакцией.

Почти 50 лет назад он напечатал в «Литературной газете» небольшую статью «С неба на землю», а когда сегодня ее читаешь, впечатление такое, будто она написана только что. Вот послушайте: «...поэты и писатели... забрели в такие заоблачные выси, что их и за хвост

подыгрыванием для удовлетворения публики — они всегда были вызваны серьезностью темы, постановкой проблемы, необходимостью объясниться, высказаться по существу».

Гамзатов. А разве сегодня по нашим газетам и журналам не кощот подобные стихи — с надуманными образами, ложным пафосом, звонкой декларативностью? В своей книге «Мой Дагестан» я привожу отрывок о чабане одного нашего сочинителя: «Рассеялся в горах туман, путь ясен впереди. Своих баранов, о чабан, ты в коммунизм ведем». Мы должны быть непримиримы к безобразиям халтуры. Наше благодушие приводит к тому, что к высоким темам приспосабливаются и буквально паразитируют на них мелкие ремесленники, они обескровливают, обесценивают стих, замусоливают слово. Особенно пагубно это

Ежегодно с 1924 по 1928 год приезжает В. Маяковский на Украину, выступает в Киеве, Харькове, Одессе, Запорожье, Житомире, Днепрпетровске, Виннице. Он посещает Советской Украине стихотворения «Киев», «Долг Украине», тепло пишет о своих поездках и встречах с читателями украинских городов...

Благотворное влияние В. Маяковского нужно видеть не в том, размещает ли тот или иной поэт строчки своего стихотворения «лесенкой», не в том, насколько избрательны его рифмы

или оригинальны метафоры, а в том, умеет ли поэт, подобно Маяковскому, активно и своевременно служить своим художественным словом делу Коммунистической партии и советского народа... Не механическая учеба, не повторение и

копирование, а учебная творческая, направленная на то, чтобы продолжать и развивать традиции Маяковского, — вот что соответствует требованиям сегодняшнего дня и сегодняшнего читателя.

Микола БАЖАН

та, в ранний период своего творчества Маяковский, или Неруду, или Элюар — беру разных поэтов. Не надо ругать молодых, когда они экспериментируют. Каждый должен пройти эту науку. Яркое, яростное вхождение в действительность — прежде всего, но и беззастенчивый поиск формальных решений, образных систем, структур. Если этого нет, не будет в молодости, когда же будет вообще? Я хотел бы назвать Василия Гierasинюку ему 27. Это интересный, ищущий автор. Или Иван Малкович — студент университета со скрипкой в руках. Скрипка, думаю, приведет его в большую, серьезный оркестр, а потом он, как каждый настоящий поэт, сам станет оркестром. Я за развешивание интересов, но за такую разность, разносторонность, которая способствует главному — призыванию поэта. У поэта Б. Мозолевского вышла книга «Скифская степь», не знаю, написал бы он ее, не будучи историком, археологом... Что такое современная поэзия — огромный, всеохватный мир или келья, одиночество? Думаю, что и тот, кто сидел в старые времена в кельях и писал в одиночестве для нас летописи, сначала был дружинником, воевал или занимался каким-то другим делом, поэт или, а потом уже уединился. Но художник должен уметь и от многого отказаться, уйти на какое-то время из этого мира, чтобы что-то настоящее для этого мира сделать.

Гамзатов. Каждый поэт — самостоятельная единица. Индивидуальность нужна,

изведения неподвластны времени, — разве они не писали на злбу дня, разве они не стояли над баррикадами?

Гамзатов. Пушкин немилым без декабристов. Страстное обличение самодержавного зловедия, виновников смерти поэта явилось миру Лермонтова.

Долматовский. Печально, что к важным, серьезным темам приживаются бездарные авторы. Маяковский говорил о своей поэме «Владимир Ильич Ленин», что очень боялся ее, так как легко было снизиться до простого политического пересказа. Посредственность, бездария, эпитеты не бояться, очень активно их продавая. Дискредитация этим потоком серости злободневного боевого стиха, существовавшего в традициях поэзии XIX века, во многом обила охоту у молодых, повернула их к так называемой тихой поэзии. Я думаю, это одна из причин, почему в русской поэзии в последние годы не появилось таких имен, какие звали в шестидесятые, когда молодые заявляли о себе как выразители общественной атмосферы, входили в литературу со стихами определенного гражданского звучания и направления. Во многом тут я вино критики — слишком тихо, невнятно поддерживает она обращение к общественной проблематике.

Драч. Из моих книг, которые выходили в последнее время, наименьшее удальствие критики вызвала «Америка»

всего. Я писал в поэме «Берегите матерей!» о простой женщине-горянке. Есть закон поэзии — она должна быть на стороне слабых. На эту поэму отозвалось много читателей, были письма печальные — оказалось, на свете не так уж мало обиженных, несчастных матерей. Сыновья их бегут без оглядки по дороге жизни, забывая ту, которая дала им эту жизнь, выносила, выхаживала, вырастила. Литература, мы говорим, — человековедение, но главное, что она была — человеколюбие. У Вознесенского есть точная формула в стихах: «Все прогресс — реакция, если рушится человек. Не купить нас холодной игрушкой, механическим слогом» чиком! В жизни главное человечность — хорошо ли вам? красиво ль? грустно?»

Олейник. У некоторых власть имущих по части ЭВМ создается впечатление, что в принципе можно моделировать все: выбрать оптимальный вариант для встречи двух людей, чтобы они были совместимы, и даже оптимальную тему для разговора между этими двумя.

Роль настоящей поэзии и в том, чтобы в век стальных конструкций, в век роботов и всевозможных заменителей уберечь в человеке человека, не дать все заменить пластмассой. И здесь ничто — ни театр, ни кино, ни даже самая лучшая проза — не заменит поэзию. В век предельного уплотнения, схвятия времени, когда мы сетуем, что не можем оглянуться окрест и на себя самих, когда все бежим, не в силах остановиться, великая служба поэзии — кричать человеку: остановись, не теряй человеческое, не превращайся в механизм, в ЭВМ, в робота! Мы, видимо, все-таки еще не совсем готовы психологически и морально-этически воспринимать достижения НТР, не умеем пока что ими разумно распорядиться, и происходит разрыв между предметным и духовным.

Драч. У того же Вознесенского об этом хорошо говорится: «Скажу, вырываясь из тисков стиха, тем горлом, которым дышу и пою: «Да здравствует Научно-техническая, перерастающая в Духовную! Конечно, во многом стандартизация, унификация — продукт эпохи НТР, а разве в другие эпохи не воевали против механического существования человека — во времена Гомера или Шекспира? Это уже давняя, бесконечная война. Беспредельная война за человека в человеке».

Вот мы сидим в комнате, за окнами цветут каштаны, и нам это нравится, но не нравится, что под окнами потоп машин, что улица шумит, мешает записывать этот разговор на магнитофонную ленту. Одно проявление НТР мешает другому проявлению НТР. Лет 80 назад шума, верно, такого не было, но и этого записывающего устройства тоже не было. Оно — благо (спасибо Прометею, что он подарил его человеку), но тот же огонь (и сколько поэтов об этом уже писали!) сжигал Дюрдану Бруно, а освещники, даху, хатыни — тоже огонь, страшно, смертоносный. Все, что приходит в мир, — и стандартизация, и другие явления НТР, — имеет свои плюсы и свои минусы.

Гамзатов. Технический прогресс многое меняет, на многое влияет, но он не в силах изменить законы Поэзии. Она нам не говорит: век быстрый — торопитесь. Торопливая, бойкая речка, как и говорливый горный ручей, к морю не добежит.

Рвется лиризм в дебри абстракций. Модный аут НТР — это диссертация. Продолжаю писать о любви.

Олейник. ...Поэзия — часть человеческого естества, о которой он, человек, забывает в прагматике дней. А когда однажды останавливается — жаль, что это часто бывает в конце жизни, — он вдруг вспоминает, что был ребенком с ясным, чистым взглядом на мир, и видит, что не такое уж все серое, что есть очень симпатичные люди вокруг, которые придут не только на его похороны, но и сейчас придут, поэты он их... Почему люди так потянулись к фольклору, к народной песне, к народной одежде — вытаскивают из сундуков прабабушкины рушничные кофты? — подоспевший протест против стереотипа, стандартизации, ибо человек по природе своей индивидуален. Прекрасно наше советское общество, которое воспитало в нас чувство коллективизма, уже вошедшее в наши гены, в наследственность. Но это не значит, что все мы стали и хотим стать на одно лицо. Наоборот, еще больше возрастает интерес к духовному, к личному, к индивидуальному. Убедительно и доказательно говорят об этом, например, самой сутью дел и поступков своих героев произведения О. Гончара, и прежде всего Кирилл Заболотный из романа «Тая зоря».

Долматовский. Мы говорим сегодня много об углублении личности, но это не означает уход в себя, познание только собственных тайн, самосовершенствования. В последние времена человек углубляется, что познание себя, тайн в себе грешит самозамкнутостью. Одно дело самоуглубление как реакция на стандартизацию эпохи НТР, времени роботов, желание познать глубины духа, меру человеческого в человеке, и другое — копаться в мелочах, в своих алергических реакциях, которые тоже порождение НТР.

Драч. В одном научно-популярном журнале я прочитал, как астроном, писатель, ученый, балерина вели разговор о влиянии НТР на нашу жизнь, на современное искусство — все рулили НТР. И только предостерегающий академик сказал: а ведь без нее мы даже здесь с разных концов страны не смогли бы собраться, без ее достижений, без ее успехов, хотим мы того или не хотим, мы обойтись уже не можем. Точно так же, хотим или не хотим, но мы не можем обойтись без опыта, без традиций Маяковского. Наше поколение во многом воспитано на Маяковском. Иногда мы протестуем против того, что он назывался нам мощью своего дарования, своего голоса. Бывают периоды, когда он кажется от тебя далеким, потом снова приближаешься к нему, но совершенно уйти от него — невозможно. Нам дорого отношение Маяковского к жизни, его отношение к литературе. Нам дорог подход людей этой могучей породы, этих атлантов, держащих на себе прекрасный мир, куда мы пришли уже как его дети, внуки, правнуки.

Материалы подготовили специальный корреспондент «ЛГ» И. РИШИНА, собственный корреспондент «ЛГ» по Украине К. ГРИГОРЬЕВ

«...ИЛИ В СЕРДЦЕ БЫЛО В МОЕМ»

Этот снимок сделан фотокорреспондентом М. Озерским в феврале 1929 года, когда в Москве находилась делегация писателей Украины. На торжественном вечере в Колонном зале Дома союзов выступал В. Маяковский. «Может быть, Маяковский сказал что-нибудь о себе? Нет. Он говорил о том, как он рад сейчас видеть и приветствовать в Москве литературу украинскую, — вспоминал П. Тычина. — Он говорил о том, что неплохо было бы еще теснее соединиться украинским писателям с писателями русскими...»

В Доме ученых состоялась встреча представителей столичных издательств с литераторами Украины. Во время дружеского разговора и был сделан этот снимок.

не вытисшишь. Открываешь какой-нибудь журнал — сплошь испещрен стихами: тут и «железные зубки», и «хитоны», и «парфюны», и «грязь», и цурт его знает, чего тут только нет. Надо бы попросить... поэтов слезть с неба на землю. Ты хвастаешься, что ты хорошо владеешь словом, — будь добр, илнши образное слово! Тогда напиши образцовую передовицу, обращенную к народам мира, — разве может быть более возвышенная задача? Только тогда мы поверим, что твои упражнения в области поэзии имеют действительный смысл, что твои возвышенная работа может быть использована для улучшения жизни людей».

Во время своей развездной чашкой работы, встречаясь лицом к лицу с потребителем (его выражение), Маяковский вел бой за новую жизнь и новую литературу. В основе своей лирик, он, отстраняя гражданскую позицию, становился беспощадным. Выступая в Киеве с докладом «Долго искусство, да здравствует жизнь!», в полемическом тоне говорил: «Пусть молодежь, лучше в карты играет, чем читать этих поэтов!».

Гамзатов. Маяковский воевал во весь голос за новую поэзию, за новое слово, но с такой же беспощадностью он воевал с халтурой, со словом-сырцом. «С молотка литература пушена. Где вы, севяти правды или звезд сытели? Ишь в четыре этажа халтурщина: Гиза, критика, чик-таки и писатели». Маяковский обрушивал свой гнев и на начинающих поэтов...

Олейник. У нас в Киеве, выступая перед рабочими, он громил стихи рабочих авторов из сборника «Лестки». «Я — пролетарская пушка, стреляю туда и сюда»...

Гамзатов. Обрушив свой гнев и на известных, когда видел в их произведении явный брак. Он критиковал, например, Жарова за такие строчки, как «От горящей домы революции отшел великий кокага», объясняя аудиторию: «А на самом деле какие кокагари при домах бывают? Не бывает их. И если отошел кокагар от домы, то нечего ему там вообще было делать. То, что поэт хотел сделать настоящим революционным образом, по существу стало ничего не значащей, пустой фразой».

Долматовский. Почему Маяковский раздражал? Потому что это было новое, небывалое, неслыханное, а все непривычное обычно принимается не сразу и не легко. Новое должно входить трудно. Боюсь, что мы молодых уж очень заслакали, заопекали, им не хватает мускулатуры, дерзостных замахов, непосредности — непосредности на бумаге, непосредности стиха, а не в пробах своих сочинений. Молодому поэту должно быть трудно, он должен что-то преодолевать, отстаивать свои принципы, рисковать. Вот этого я не вижу, не ощущаю. Совещания, семинары, опеки много, а новых заметных, ярко входящих имен мало. Где они, «красивые, двадцатидухлетние»?

Олейник. На Украине есть интересные молодые. Надеюсь, что их поэзия будет иметь всеобщий резонанс. Дмитрий Иванов из Чернигова, Михайло Шевченко, полтавчанин, сейчас живет в Киеве, Владимир Затупилитер, Ирина Хиленько, Светлана Иовенко, Людмила Скирда, Юрий Буряк — тоже из Киева. Но им, конечно, уже не двадцать два.

Гамзатов. Продолжателей мало — подражателей много. Горько, приходится в ауре на свадбу, спрашивает: «Вас хвалят сами или можно звать еще и мне?» Ему отвечает горько: «Входи, если ты на самом деле какие кокагари при домах бывают? Не бывает их. И если отошел кокагар от домы, то нечего ему там вообще было делать. То, что поэт хотел сделать настоящим революционным образом, по существу стало ничего не значащей, пустой фразой».

Долматовский. Попадало от Маяковского, как известно, и Сельвинскому, и Уткину, и Безыменскому... Но его полемический азарт, категоричность оценок, резкость суждений никогда не были спором ради спора, мелким ехидством по поводу чей-то неудачи или подзадориванием,

личное клеймо, поэзия — частное производство, но только пока стихи делают. А если то, что поэт создал, другие не подхватят, другим не станет принадлежать — какой горек не любит песню? Но что такое песенник? Текстовик, автор текста? Не было ни одного песенника — большого поэта. А когда хорошее стихотворение становится песней — это прекрасно. В иных песнях-текстах много шума, грохота — души мало. Однако критиковать, делать замечания стало трудно: обидно, что ты устремляешься в «кин-станция», пишешь жалобы, Маяковский и тут дает нам замечательный урок — урок бесстрашия полемиста.

Долматовский. Почему Маяковский раздражал? Потому что это было новое, небывалое, неслыханное, а все непривычное обычно принимается не сразу и не легко. Новое должно входить трудно. Боюсь, что мы молодых уж очень заслакали, заопекали, им не хватает мускулатуры, дерзостных замахов, непосредности — непосредности на бумаге, непосредности стиха, а не в пробах своих сочинений. Молодому поэту должно быть трудно, он должен что-то преодолевать, отстаивать свои принципы, рисковать. Вот этого я не вижу, не ощущаю. Совещания, семинары, опеки много, а новых заметных, ярко входящих имен мало. Где они, «красивые, двадцатидухлетние»?

Олейник. На Украине есть интересные молодые. Надеюсь, что их поэзия будет иметь всеобщий резонанс. Дмитрий Иванов из Чернигова, Михайло Шевченко, полтавчанин, сейчас живет в Киеве, Владимир Затупилитер, Ирина Хиленько, Светлана Иовенко, Людмила Скирда, Юрий Буряк — тоже из Киева. Но им, конечно, уже не двадцать два.

Гамзатов. Продолжателей мало — подражателей много. Горько, приходится в ауре на свадбу, спрашивает: «Вас хвалят сами или можно звать еще и мне?» Ему отвечает горько: «Входи, если ты на самом деле какие кокагари при домах бывают? Не бывает их. И если отошел кокагар от домы, то нечего ему там вообще было делать. То, что поэт хотел сделать настоящим революционным образом, по существу стало ничего не значащей, пустой фразой».

Долматовский. Попадало от Маяковского, как известно, и Сельвинскому, и Уткину, и Безыменскому... Но его полемический азарт, категоричность оценок, резкость суждений никогда не были спором ради спора, мелким ехидством по поводу чей-то неудачи или подзадориванием,